

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ

А.В. Уланов

Аннотация. Анализируются подходы к понятию «коммуникативная стратегия» в современной лингвистике и его применению к дискурсивным практикам языка. Описание реализации речевых стратегий в русском институциональном военном дискурсе предваряет обзор точек зрения на когнитивную и прагмалингвистическую природу речевой стратегии. Исследуемый материал относится к письменным дискурсивным явлениям: автор останавливается на оценке коммуникативного поведения военнослужащих XIX в., обуславливает собственную точку зрения на реализацию стратегий в речи военных. Приводятся примеры языковых средств, участвующих в формировании коммуникативных установок военного дискурса. Проанализировав прагматическое содержание документа, представляющего собой часть военно-дискурсивного пространства XIX в., можно сделать вывод, что речевая стратегия военнослужащих в это время обусловлена речевой ситуацией коммуникации и, в частности, речевыми событиями военной конъюнктуры.

Ключевые слова: военный дискурс; коммуникативная стратегия; дискурсивные практики; коммуникативное поведение.

В современной дискурсологии возрастает интерес к изучению дискурса с позиции прагмалингвистики, что связано с необходимостью углубленного анализа вопросов функциональной лингвистики [1–3].

Функциональная лингвистика должна учитывать ряд существенных особенностей дискурса. Дискурс – это не один речевой акт, а целая речевая последовательность, или, выражаясь терминологией дискурсивности, длительная интеракция сообщений, которые складываются в один единый глобальный «макроречевой акт» [4. С. 89]. Дискурс – это и «типизированная последовательность речевых актов с относительно конвенциональной или ритуализированной структурой» [Там же].

Одно из наиболее ярких дискурсивных явлений – коммуникативная стратегия – должно быть проанализировано в рамках понятийного аппарата функциональной лингвистики.

Понятие «коммуникативная стратегия» позволяет нам вникнуть в механизмы порождения и понимания дискурса. Т.А. ван Дейк пишет, что с помощью макроречевого акта «мы можем иметь различные стратегии для полного достижения наших целей» (цит. по: [4. С. 89]). Н.М. Татарникова полагает, что в когнитивной лингвистике коммуникативные стратегии трактуются через существование особых когнитивных структур, которые называются интерпретативными схемами. По мнению М.Л. Макарова [5], интерпретативные схемы:

– помогают формировать интенции и мнения людей, через это направлять их действия;

– способствуют выработке альтернативных способов осуществления данных действий и реализации интенций.

О.С. Иссерс [6] считает, что речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Н.М. Татарникова, анализируя понятие речевой стратегии, приходит к выводу, что в когнитивной лингвистике «изначально на материале устных, а затем и письменных развернутых высказываний (дискурсов) употребление языка в его обусловленности социальными факторами, детерминирующими, прежде всего, конкретную актуальную деятельность автора, рассматривается как ключ к постижению его ментальности и исследуется в процессуальном плане» [4. С. 89].

В функциональной лингвистике чрезвычайно важны понятия макроречевых актов и речевых жанров. М.М. Бахтин полагал, что речевые жанры – это тематические, стилистические и композиционные типы высказываний. Отметим, что в современной лингвистике выработана субординация речевых жанров, которые дифференцируются на простые (типы иллокутивных актов, называемые при помощи отглагольных существительных, значение которых определяет речевое действие, например, угроза, отказ, присяга и т.п.) и сложные (типизированные последовательности речевых актов, структура которых имеет относительно конвенциональный характер) [Там же. С. 90]. Однако в языкознании выработалось и понятие «субжанр» (одноактное высказывание, минимальная единица типологии речевых жанров, равная одному речевому акту) [7].

Использование методики стратегического анализа в сфере дискурса специфично применительно к военному дискурсу. Эта специфика обусловлена *письменным* характером анализируемого нами типа дискурса – русского институционального военного дискурса XIX в.

При анализе стратегии речевых жанров важно вычленить следующую информацию: текст как разновидность жанра (диалогический / монологический), коммуникативная цель жанра (информирование / резюмирование / письменная интеракция / манипулирование и т.д.), адресанты и адресаты-информанты. Важно также установить, к какому общению (интра- или экстрапрофессиональному) относится указанный жанр.

Понятие «коммуникативная стратегия» применительно к дискурсу рассматривает М.Л. Макаров в книге «Основы теории дискурса» [2]. Исследователь полагает, что стратегия – «центральное теоретическое понятие в любой модели прагматики» – прагматическая «глубинная грамматика» не поддается традиционному языковедению, так как в прагматике действуют стратегии, в формальной лингвистике – правила, в то время как теория речевых актов методологически построена вокруг категории конвенции.

М.Л. Макаров отмечает, что стратегия, с одной стороны, – это цепь коммуникативных решений говорящего, «коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств» [5. С. 192]. С другой стороны, коммуникативная стратегия организуется целью при произнесении высказывания. При этом стратегии можно считать глобальным уровнем осознания ситуации общения в целом, в то время как тактики – локальные риторические приемы и линии речевого поведения. Коммуникативная стратегия тем самым – «тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа» [Там же. С. 194].

На наш взгляд, коммуникативная стратегия должна учитывать глубинную структуру взаимодействия и последовательность коммуникативных ходов коммуниканта. М.Л. Макаров приводит классификацию стратегий, созданную специалистами в области прагмалингвистики: пропозициональные стратегии, стратегии локальной когеренции (связности), продукционные стратегии, макростратегии, а также схематические, сценарные и стилистические, разговорные стратегии.

Коммуникативная стратегия обладает следующими свойствами:

1) отличается гибким и динамическим характером, так как подвергается постоянной корректировке, «непосредственно зависит от речевых действий оппонента и от постоянно пополняющегося и изменяющегося контекста дискурса» [Там же];

2) зависит от конкретной ситуации общения. Ввиду того, что стратегии обусловлены соотношением цели и последовательности действий в реальной ситуации общения, они подвергаются ритуализации.

В.С. Григорьева [8] приводит типологию речевых стратегий дискурса на примере дискурса аргументативного. Исследователь пишет, что в процессе аргументирования говорящий реализует себя как языковая личность, демонстрируя экстралингвистическую, лингвистическую и коммуникативную компетенцию. Учеными выделяются три речевые стратегии аргументации: доказательство, внушение и убеждение. Т.В. Анисимова [9] пишет, что доказательство – логическое понятие, основанное на совокупности логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений. Внушение отличается от доказательства тем, что его задача – это навязывание позиции адресанта через воздействие на подсознание. Убеждение основано на обращении как к разуму адресата, так и к его чувствам. Исследователь пишет, что при убеждении адресант использует как рациональные, так и эмоциональные аргументы, он приводит все мнения, в том числе и аудитории.

Иллокутивными дискурсивными актами при аргументации являются объяснение, доказательство, подкрепление гипотезы, выведение следствия. На основе иллокутивных актов выстраиваются перлокутивные дискурсивные акты. В.С. Григорьева приводит и более подробную характеристику речевых стратегий аргументации.

Убеждение – это речевая стратегия коммуниканта, заключающаяся в попытке трансформирования наличного состояния мира реципиента, попытке склонить слушающего совершить или не совершить какой-либо авербальный или вербальный акт [8]. Таким образом, каждая речевая стратегия обладает особенностями в реализации, построении и речевом выражении (таблица).

Особенности речевой стратегии убеждения

Особенности реализации	Построение	Речевые особенности
Логическая структура «убеждающих» текстов в основном predetermined тем, что убеждение в сущности является особым информационным процессом, состоящим в передаче соответствующих сведений [8]	Директивные высказывания следуют за дескриптивными (описательными), которые содержат языковые оценочные элементы	Наличие макроинтенций, а также директивных и вердиктивных высказываний

Нами предпринята попытка анализа реализации речевых стратегий в русском институциональном военном дискурсе. В статье А.В. Олянич [10] содержатся общие характеристики подязыка военного дискурса, в частности:

1) основанность на когнитивно освоенной дуалистической милитаристской модели бытия: с одной стороны, это пребывание в постоянной борьбе, противопоставленной краковременному мирному (невоенному, неконфликтному) состоянию. В военной языковой картине мира вся интенциональность военной языковой личности направлена на захватническую интенцию, т.е. стремление овладеть чужими ценностями путем завоевания и захвата;

2) наличие гражданской vs военной концептосфер в языковой картине мира военнослужащего. Все бытие, по мнению А.В. Олянич, разделяется на «свое» и «чужое», а коммуниканты «внутри всеобщего бытия» разделяются на «своих» и «чужих» [Там же. С. 120]. Таким образом, милитаристский характер мировоззрения воина обуславливает и его коммуникативные стратегии, т.е. и тип мышления, и тип поведения вообще. Как справедливо замечает исследователь, «военный смотрит на мир глазами военного и номинирует мир милитаристскими языковыми средствами, экстраполируя свой специфический военный дискурс на

дискурс общечеловеческий, внося дух борьбы в жизнь и в общение, вовлекая в коммуникацию концепт “война”» [10];

3) основанность коммуникативной среды военнослужащего на военной конфликтности, которая способствует социальной конфликтности. Милитаристское бытие в виде семантических трансформаций переходит и на мирное бытие (в частности, когда средства военной метафоры переходят в области спортивного или политического дискурсов);

4) семиотический характер военного дискурса, выраженность военной концептосферы в характерной военной символике и эмблематике: языке военных символов (флагов, штандартов, знамен, военной амуниции, военного обмундирования). Отдельные военные символы получают характерное значение в истории;

5) двойной характер отношения к войне: негатив с точки зрения подавления «чужих», позитив – с точки зрения соблюдения национальных интересов, в качестве средства, с помощью которого приобретает мир;

6) окруженность военного коммуникативного пространства околодискурсивными явлениями военно-политического дискурса (формирование имиджа военного врага). Отношение к войне в высокой степени виртуально и эвфемистично. «Физическое устранение противника возможно только при формировании “праведного гнева” масс, который необходимо на этого противника направить, дабы одержать победу. Так формируется “реальная виртуальность конфликтной коммуникации, поддерживаемая особым образом конструируемым дискурсом – дискурсом военно-политическим”» [Там же. С. 121].

По мнению А.В. Олянич, «существует колоссальное множество попыток выделения типов и построения классификации коммуникативных стратегий в зависимости от специфических задач той или иной научной парадигмы, вовлекающей понятие стратегии в сферу своих интересов» [Там же. С. 122]. Исследователь называет следующие типы стратегий в зависимости от трех обширных классов: презентации, манипуляции и конвенции. «По уровню открытости, симметрии и способу производимой коммуникации они тоже отличаются: презентационный тип является пассивной коммуникацией, манипуляционный – активной, конвенциональный – интерактивной. По мнению С. Дациока, основными средствами этих стратегий являются: для презентации – послание, манипуляции – сообщение, конвенции – диалог. <...> По нашему же убеждению, в военно-политическом дискурсе коммуникативные стратегии сводятся исключительно к презентации с элементами манипуляции и конвенции» [Там же. С. 122].

Важнейший элемент речевого события в военном дискурсе, а отсюда и речевой стратегии, – языковая личность.

Классификация языковых личностей в современной дискурсологии – сложный и дискуссионный вопрос. Свою классификацию языковых личностей приводит В.И. Карасик в книге «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [11]. С.С. Сухих «выделяет экспонентный, субстанциональный и интенциональный уровни измерения языковой личности, на первом уровне знаковая деятельность коммуниканта может быть активной, созерцательной, убеждающей, сомневающейся, голословной, на втором уровне – конкретно или абстрактно вербализующей опыт, на третьем уровне – проявляющей себя юмористично или буквально, конфликтно или кооперативно, директивно или интегративно, центрированно или децентрированно» [12. С. 8].

Так или иначе «языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [11. С. 19]. По мнению В.И. Карасика, коммуникативная личность может рассматриваться с точки зрения ценностного, познавательного и поведенческого плана.

«Ценностный план коммуникативной личности содержит этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период. <...> Познавательный (когнитивный) план коммуникативной личности выявляется путем анализа картины мира, свойственной ей. На уровне культурно-этнического рассмотрения (именно применительно к данному уровню обычно говорят о языковой личности) выделяются предметно-содержательные и категориально-формальные способы интерпретации действительности, свойственные носителю определенных знаний о мире и языке. <...> Поведенческий план коммуникативной личности характеризуется специфическим набором намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения» [Там же. С. 20].

В русском институциональном военном дискурсе встречаются следующие разновидности языковых личностей:

1. **Информатор** дифференцируется на активного и пассивного. Функция активного информатора состоит в доведении сообщения, требующего немедленного исполнения, функция пассивного – в доведении информации справочного характера.

2. **Манипулятор** управляет информацией в собственных целях, его коммуникативное поведение ситуативно и прагматически обусловлено.

3. **Кооператор**. Основная функция кооператора – поддержать кооперативную стратегию общения (поздравление с победой, изъявление восхищения).

Каждая языковая личность применяет собственную речевую стратегию: информирование, манипулирование, кооперирование.

Проанализировав письменные дискурсивные практики военного дискурса XIX – начала XX в., мы пришли к выводу, что в это время обнаруживается применение кооперативной языковой личности и кооперативной речевой стратегии. Пример приведен из мемуарного источника «Блокада Карса» – собрания писем очевидцев событий 1855 г. [13]:

«Ваше Высокопревосходительство!

Отъ полноты души, въ лицѢ (знаком Ъ здесь и далее обозначаем “ять”. – А.У.) всего городского сословія позвольте поздравить Васъ съ благополучнымъ прїѣздомъ. Побѣда надъ Карсомъ – преддверіемъ Оттоманской Порты, возвеселила весь край и укрѣпила еще въ немъ великія надежды на русское оружіе. Примите, Ваше Высокопревосходительство, настоящую встрѣчу, какъ отголосокъ безпредѣльныхъ сердечныхъ желаній моихъ согражданъ, и позвольте иметь счастье отъ искренности сердца выразить Вамъ передъ всѣми: “Слава Отечеству и побѣдителю!”» [Там же. С. 138].

Отметим, что в дискурсивном пространстве военно-исторических источников более всего представлена информационная стратегия военной языковой личности, направленная на непосредственное информирование вышестоящего начальства о произведенных действиях: высказывания отличаются информационно насыщенным характером, множеством фактов и деталей.

«По случаю возложенія мною на командовавшаго Дѣйствующимъ Корпусомъ на кавказско-турецкой границѢ, Генераль-Лейтенанта Князя Бебутова, на время отсутствія моего изъ Тифлиса, командованія войсками Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, не входящими въ составъ Дѣйствующаго Корпуса, я поручаю командованіе симъ послѣднимъ Начальнику Артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Лейтенанту Бриммеру.

О чемъ объявляю по Высочайше ввѣреннымъ мнѢ войскамъ» [Там же. С. 10].

Исходя из этого сообщения, можно заключить, что военная языковая личность отличается предельной фактологичностью высказывания, экономичностью языкового выражения, стандартизованностью официальных средств вербализации, апеллятивностью к установленным образцам действующих порядков и установлений (*По случаю возложенія мною на командованія войсками... поручаю командованіе симъ...*). Языковая личность «офицер» применяет языковые конструкторы в соответствии с субординацией и действующей номенклатурой вооруженных сил: *я поручаю командованіе симъ послѣднимъ Начальнику Артиллеріи Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Лейтенанту Бриммеру.*

Наиболее ярко различные типы языковых личностей представлены в книгах мемуарного ретроспективного характера, представляющих собой воспоминания о прошедших событиях.

Проанализируем особенности военной языковой личности в книге Г. Гоштовта «Дневникъ кавалерійскаго офицера» [14], вышедшей в Париже в 1931 г. и полноценно характеризующей сферу коммуникативного поведения российских офицеров высшего звена.

Этот документ может быть использован в качестве ценного прагматистического источника, так как письменно зафиксированная речь кавалерийского офицера является отражением комплекса прагматистических категорий, воссоздаваемых спектром коммуникаций основного коммуниканта – автора текста.

Документ подтверждает, что офицер являлся средоточием коммуникаций, среди которых: 1) безличные коммуникаторы; 2) персонифицированные коммуникаторы. Коммуникаторы ранжируются по степени персонифицированности автором.

Приведем примеры:

1) коммуникатор – неизвестный внешний источник информации:

«ВскорѢ было получено донесеніе, что нѢмцы вели легкое наступленіе на Ширвиндтъ, обстрѣливая его артиллерійскимъ огнемъ, и вскорѢ отошли» [Там же. С. 53].

«Черезъ часъ ко мнѢ пришло новое приказаніе – выслать пѢшую развѣдку на тотъ берегъ оврага, послѣ чего спуститься и пройти вдоль него цѣпью до деревни Каушенъ, на окраинѢ котораго будетъ ждать меня проводникъ къ коноводамъ. Высылаю унтеръ-офицера Людвигъ съ шестью кирасирами на противоположный берегъ» [Там же. С. 71].

2) коммуникатор – известный по должности / имени внешний источник информации:

«Здѣсь мы встрѣтили роту, уходившую на востокъ. Ея командиръ сообщилъ мнѢ, что линія охраненія оттягивается еще на три километра назадъ, на опушку большого Гердауенскаго лѣса, и что его правая застава должна стать въ деревнѢ Шенвальде» [Там же. С. 54].

3) коммуникатор – неизвестный по должности, но известный по месту расположения внешний источник информации. Заметим, что в военном дискурсе возможны самые различные каналы получения информации, ранжирующиеся по топосу сообщения и статусности источника сообщения: разведка – граница (линія) боевых действий – разъезды – Штаб дивизіи – Штабъ арміи:

«Донесенія с линій охраненія говорятъ о томъ, что участки велики и караулы поэтому поставлены рѣдко; вечеръ безпокойный, такъ какъ вся мѣстность вокругъ кишитъ непріятельскими разъѣздами» [Там же. С. 71].

«Поздно вечеромъ Христіани привезъ новости изъ Штаба дивизіи: наша пѣхота имѣла вчера удачный бой, взяла трофеи и быстро движется впередъ» [6. С. 71].

«От развѣдки приходятъ свѣдѣнія, что противникъ поспѣшно отходитъ» [6. С. 99].

Основными стратегиями речевого поведения (по В.И. Карасику) являются: 1) объясняющая; 2) оценивающая; 3) контролирующая; 4) содействующая; 5) организующая.

В письме генерала А. Ермолова Князю Багратиону содержится объясняющая стратегия – объяснение оставления Смоленска:

*«№ 4, получено 6-го августа на маршъ
отъ Смоленска къ Дорогубужу
Ваше Сіятельство!*

Имѣете право насъ бранить, но только за оставленіе Смоленска, а послѣ мы вели себя какъ герои! Правда, что не совсѣмъ благоразумно, но и тогда можно быть еще героями. – Когда буду имѣть счастье Васъ видѣть, расскажу вещи невѣроятныя. Смоленскъ необходимо надобно было защищать, но замѣтьте Ваше Сіятельство, что ихъ доселѣ нѣтъ въ Ельнѣ, слѣдовательно всѣ были они у Смоленска, а мы не такъ были сильны послѣ суточной города обороны.

Наконецъ, благодаря Бога, хотя разъ предупредили мы Ваше желаніе.

Вамъ угодно было, чтобы мы остановились, дрались, прежде полученія письма Вашего получилъ уже я о томъ приказаніе. Почтеннѣйшій благодѣтель! Теперь Вамъ предлежитъ дать намъ помощь. <...>

Боюсь, что опасность, грозя древней нашей столицѣ, заставитъ прибѣгнуть къ миру. Но сіи мѣры слабыхъ и робкихъ. Все надобно принести въ жертву съ радостью, когда подъ развалинами можно погresti враговъ, ищущихъ гибели Отечества нашего. Благоволитъ Бог! Умереть Россіянинъ долженъ со славою.

Преданнѣйшій слуга

Подписаль: А. Ермоловъ.

P.S. Не гнѣвайтесь, что удержалъ посланнаго» [Там же. С. 55].

Основная тактика письма – последовательная аргументация. Текст письма имеет несколько планов: ситуационный, ментальный, персональный. Ситуационный план: армия вынуждена была оставить Смоленск по объективным причинам. Ментальный план: доминирование национального и религиозного начал:

«Представьте Ваше Сіятельство, что два дни рѣшатъ участь сильнѣйшей въ Европѣ Имперіи, Одно продолженіе войны есть способъ вѣрнѣйшей восторжествовать надъ злодѣями Отечества нашего. Умереть Россіянинъ долженъ со славою» [14. С. 35].

Персональный план заключается в эксплицировании двух языковых личностей – адресата и адресанта, связанных взаимодействующим коммуникационным каналом. Однако этот канал апеллирует к другим

коммуникативным областям: *Бог, судьба, государь*. Отметим, что доминирующими в данном речевом акте являются каналы адресанта и Бога. Образ адресанта в дискурсивном пространстве сообщения деактуализируется, уходит на второй план.

Проанализировав прагматическое содержание документа, представляющего собой часть военно-дискурсивного пространства XIX в., мы пришли к выводу, что речевая стратегия военнослужащих в это время обусловлена речевой ситуацией коммуникации и, в частности, речевыми событиями военной конъюнктуры.

Литература

1. Митчелл П.Дж. Английский военный сленг: понятие, способы образования и тематическая классификация // Язык и культура. 2014. № 3 (27). С. 64–73.
2. Суржанская Ю.В. Индивидуальные и культурные концепты: общее и различное // Язык и культура. 2011. № 3 (15). С. 87–93.
3. Седельникова О.В. К определению типа дискурсивной организации русской журнальной периодики середины XIX в. // Язык и культура. 2012. № 1 (17). С. 36–42.
4. Татарникова Н.М. Анализ коммуникативных стратегий как способ изучения стилиевой черты // Филология и человек. 2012. № 1. С. 84–95.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 252 с.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : ЛКИ, 2008. 288 с.
7. Седов К.Ф. Жанры повседневного общения и хорошая речь // Хорошая речь. Саратов, 2001. С. 118–131.
8. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.
9. Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000.
10. Олянич А.В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник ВолГУ. Сер. 2. 2003–2004. Вып. 3. С. 121–128.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
12. Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 29 с.
13. Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 года в Азиатскую Турцию. Тифлис, 1856. 148 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book7659/428481> (дата обращения: 10.02.2014).
14. Гоштовт Г. Дневник Кавалерийского Офицера. Париж, 1931. 196 с. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book7708/439317> (дата обращения: 15.02.2014).

THE DYNAMICS OF IDEOLOGICAL CONSTANTS

IN THE RUSSIAN MILITARY DISCOURSE XIX - EARLY XX CENTURY

Ulanov A.V. Department of Social and Human Sciences and Foreign Languages, Faculty of Economics and Management, Siberian Institute of Business and Information Technology (Omsk, Russian Federation).

E-mail: ulanov.andrey.2014@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of approaches to the concept of “communication strategy” in modern linguistics and its application to the discursive practices of the language. Description of the implementation speech strategies in Russian institutional military discourse is preceded by an overview of perspectives on cognitive and Pragmalinguistic nature speech strategy. The material studied by the author refers to the written discourse phenomena: the author focuses on the assessment of communicative behavior of servicemen of the 19th century, provides his own point of view to the implementation of policies in the speech of the military. The article provides examples of language means, participating in the formation of the goals of the military discourse. Having analyzed the pragmatic content of the document, which constitutes part of the military-discursive space of the XIX century, one can conclude that the speech strategy servicemen at this time due to the language situation of communication, and in particular, the speech by the events of the military situation.

Keywords: military discourse; communicative strategy; discursive practice; communicative behaviour.